

Данила Чебоксаров

Завтрак
без
пиретки

18+

Данила Чебоксаров

Завтрак без лифчика

<https://litres.ru/73506898>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роскошная мать-нимфоманка, её взрослый озабоченный сын-девственник. С одной стороны безграмотная, но невероятно сексуальная фитоняшка, с другой занудная интеллектуалка с шикарными волосами, но с отвратительной фигурой и небритым лобком. Что произойдёт, когда они пересекутся на страницах этой книги? А если к ним добавить Канта, Лейбница, Шопенгауэра и примкнувшего к ним Крафт-Эбинга? Нас ждёт нечто захватывающее и невероятное! Философия, плотская страсть, абсурд, сатира и изысканная питерская депрессия всё это сплетено в тугий клубок, который предстоит распутать внимательному читателю. 18+

Содержание

Глава 1. Философия жёсткой руки	5
Глава 2. Девочка с фиалковыми глазами.	9
Онтология семьи	
Глава 3. Девственность как воля и представление	17
Глава 4. Разум, железо и диалектология	24
Глава 5. Прощание с девственностью, или Эйдос плоти	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Данила Чебоксаров

Завтрак без лифчика

*Основано на реальных событиях, но
все события и персонажи вымышлены.*

*Мише Ерцеву, моему бывшему однокласснику, –
умному, думающему, хорошему человеку.*

*Оставайся собой, Миха, не сдавайся и не
ломайся:*

такие, как ты, сейчас редкость!

Глава 1. Философия жёсткой руки

Держась за ручку двери, Агнесса Петровна уветливо обволакивала сына взглядом своих влажных фиалковых очей. Было чем усладить взор и даже, пожалуй, получить эстетическое наслаждение, а то и оргазм, если повезёт. Виктор был сложен лучше античного божества: прокачанный до геркулесовых габаритов полубог, чудесным образом воплотившийся в просторной квартире на Васильевском острове, привольно развалился нагим в офисном кресле перед гигантским широкоформатным монитором и небрежно самоублажался, потакая сиюминутному капризу – не по необходимости, а из блажи.

– Ну, заходи уж, маман, коли заглянула, – молвил полубог уветливо, по-прежнему орудуя рукой, но уже более вальяжно. Зажатое в кулаке заслуживало особой похвалы: и длина, и объём, и форма, и безупречная внешняя конфигурация в целом.

Агнесса Петровна закрыла дверь изнутри и вошла в комнату. Чинно присела на краешек кровати, поправила длиннополый банный халат, под которым угадывался бюстгальтер; некогда во всех отношениях бесподобные перси после сорокета начали беспричинно увядать, и теперь она не снимала лифчика даже дома – из какой-то малопонятной стыдливости перед сыном и... самой собой – она даже спала в

нём.

– Витюша, тебе не кажется, что в данной отдельно взятой мизансцене есть нечто нарочито грубое и когнитивно неправильное – исходя из этического контекста?

– F*ck ethics! Недавно я наткнулся в сети на рассказ с таким названием. Оно меня заинтересовало. Даже заинтриговало.

– И хороший рассказ?

– Интересный по мысли, – Виктор остановил процесс, разжал пальцы, взял со стола мощный массивный вейп, несколько раз затянулся. – Фабула такова: пышногрудая стройная молодая красотка ругает Аристотеля за то, что она не может выйти на улицу без лифчика – ведь Аристотель придумал этику.

– И чем заканчивается рассказ?

– Героиню забирают в мусарню, судят и назначают значительный штраф. Символично, не правда ли?

– Неправда. Никакого символизма. Это жизненно. Суконная правда жизни.

Сын пыхнул вейпом:

– Да, пожалуй.

– Но мы отклонились от темы, – встрепенулась мать. – Не кажется ли тебе нравственно неприемлемым то, что твоя мама смотрит на то, как ты бесстыдно рукоблудишь?

– А надо рукоблудить стыдливо и застенчиво? – спросил Виктор. – Это вопрос морального выбора, маман. Мой выбор

был в том, чтобы не прекратить, твой – в том, чтобы остаться и смотреть. Только и всего.

– Но...

– Этика – это социальный конструкт, – перебил сын. – Кант считал иначе, но его категорический императив работает только в мире, где следуют одним и тем же установленным правилам. А мы сейчас не в обществе. Мы в моём личном пространстве, в моей комнате. Два абсолютно автономных субъекта, которые...

– Два автономных субъекта, связанных кровным родством, – в свою очередь перебила Агнесса Петровна.

– Родство – биологический аспект, а не этическая категория! – заявил Виктор. – С точки зрения утилитаризма в моих манипуляциях нет вреда. Максимизация удовольствия при отсутствии страдающих сторон – позаitura вполне себе этическая. Иеремия Бентам бы одобрил.

– Бентам вряд ли предусматривал инцестуозный контекст! – возразила Агнесса Петровна. – Наверняка не предусматривал.

– Инцест – это тоже конструкт, маман. В разных культурах границы проводились по-разному, а где-то их и вовсе не было. Египетские фараоны, например, бы...

– Я не фараониха, – отрезала мать, – а ты не фараон! Мы обычные люди в стандартной питерской квартире.

– Не в такой уж и стандартной, – заметил сын. – И мы совсем уж не ординарные люди – слышать от тебя такое сродни

оскорблению, маман!

– Помнишь у Ницше – падающего толкни, мораль изобретение слабых для ограничения сильных. Сильный сам устанавливает для себя законы.

– Каким боком здесь влез Говницше, маман?! – скривился Виктор. – Побойся Заратустры, окстись!

– А *ты* считаешь себя сильным, сын?

– А ты считаешь себя слабой, маман?

И тут Агнесса Петровна задумалась.

– Знаешь, Витюша... Касаемо сисек я слаба! То есть *своих* сисек. Когда они начали портиться, со мной что-то случилось... я стала конфузиться по их поводу...

– Покажи! – сказал сын непокобелимо. – Покажи мне, мать, сиськи, коими я был вскормлен!

– Целиком не покажу, – промолвила Агнесса Петровна тихо, стыдливо потупив взгляд. – Чуть-чуть если только...

Она раздвинула на груди халат, слегка приспустила лифчик. Нагой сын в шлёпках решительно подошёл и потрогал пальцем открытое.

– Хорошая грудь, – констатировал он. – Не молодая, но живая!

Глава 2. Девочка с фиалковыми глазами. Онтология семьи

В середине семидесятых, когда Ленинград ещё носил своё имперское имя, а на улицах пахло кофе с цикорием и болотной сыростью, когда в булочных за чёрным хлебом и *булками* выстраивались очереди, а за колбасой – занимали с ночи, когда по Невскому фланировали стилиаги в немыслимых штанах и с магнитофонами «Электроника», когда во дворах-колодцах пахло жареной картошкой и кошачьей мочой, когда студенты передавали друг другу зачитанные до дыр самиздатовские брошюры, а интеллигенция на кухнях пила водку и ругала проклятый строй, – в семье инженера-технолога и школьной учительницы родилась девочка с огромными фиалковыми глазами. Назвали Агнессой – редкое имя для тех лет, бабушкино, польское. Бабуля, глядя на внучку, крестилась и шептала: «Красавица будет, ох и красавица... Чистая мадонна».

Мадонна подросла и обратилась в существо очаровательное... и *чарующее*. Осиная талия, бесконечные ноги, выдающаяся грудь, белокурые локоны, бездонность фиалковых глаз – всё это, помноженное на безотчётную чувственность, создавало вокруг неё ауру, мимо которой не мог спокойно пройти ни один половозрелый мужчина.

Мальчишки посвящали ей дурацкие неумелые стихи, рисовали её греческий профиль на последних страницах тетрадей, дрались за право нести её портфель – и юная Агня воспринимала это как само собой разумеющееся.

– Агньк, а почему за тобой все пацаны так увиваются? – спросила её однажды толстая подруга Ирка, страхолюдина с гигантским горбатым носом, как у Ахматовой.

– Откуда ж я знаю, – пожала плечиками юная прелестница.

– У нас вон девки и красивее тебя есть. Вон Светка Циклина, например – такая красотка, а парни на неё и не смотрят!

Агня опять пожала плечами – что ей было ответить?..

Жизнь началась в турпоходе по Вуоксе. В брезентовой палатке, под гудение сосен, подвывание ветра, размеренный плеск волн, зловещее карканье ворон. Это случилось как-то само собой, очень обыденно. Потом был ещё один мужчина, второй, третий... и понеслась вода по трубам! Её молодое мясо требовало мужского вмешательства – и Агня в своих желаниях себя не сдерживала.

– Шлюха ты, Агнька! – сообщила ей уродина подруга в холодную белую ночь во время прогулки по Невскому. К двадцати годам Ирка оставалась девственницей.

– Это почему?.. – безмерно удивилась Агнесса.

– Что значить почему? Трахисси направо и налево!

– Шлюхи за это деньги берут, а я получаю удовольствие, – сказала Агнесса. – А ты в двадцатник целка и ею сдохнешь

в семьдесят!

Больше подруги не виделись.

В 1991 году Агнесса поступила на философский факультет Ленинградского государственного университета. Страна разваливалась, на улицах торговали копчёной колбасой, консервами, сигаретами и книжками, в магазинах было пусто, зато ларьки ломились от «сникерсов» и «марсов», которые тогда называли «сухим пайком американской армии». У станций метро бабушки продавали вяленую воблу, семечки стаканами и собственноручно связанные носки. В подземных переходах бородатые юноши лабали на гитарах Цоя, который к тому моменту уже умер, но был жив своими песнями, слышащимися из каждого киоска со звукозаписью. По телевизору крутили рекламу «МММ» и заседания Верховного Совета, где пожилые дядьки с красными лицами доказывали друг другу, кто из них больший патриот. В троллейбусах кондукторы ещё пробивали билеты компостерами, а пахло в них сыростью, мокрой одеждой и одеколоном «Шипр». Всё менялось, всё текло, всё разваливалось и строилось заново – и в этом хаосе Агнесса Зубровская штудировала классиков, ходила на лекции, готовилась к семинарам по античной философии, трахалась в туалете. В древних стенах на Университетской набережной время текло иначе. Здесь пахло пылью, вековыми книгами и сермяжной интеллектуальной свободой.

Агнесса училась легко. Голова светлая, память цепкая,

интерес к предметам – неподдельный. Кант, Гегель, Лейбниц, Декарт, Спиноза, Локк – все эти давно мёртвые немецкие мужи в париках казались ей куда более живыми, чем ограниченные ленинградские парни с их дурацкими проблемами: где достать джинсы, как откосить от армии, почему водка подорожала.

– Агнесса, у тебя дар, – говорил профессор Петренко-Разумовский, старый марксист, вынужденный читать теперь историю западной философии. – Ты чувствуешь ткань мысли. Это редкость!

– Спасибо, Иван Матвеевич, – улыбалась она своей фиалковой улыбкой – лицом и глазами.

Седой профессор отводил глаза. Он хотел её, как и все, она это знала. После выпуска она отдалась Разумовскому – дедуля для своих лет оказался на редкость вынослив и неутомим, они встречались долгое время, вплоть до того раза, когда неутомимость навсегда покинула профессора – он умер сладкой смертью прямо на ней, и когда его хоронили, на устах его сияла сладострастная вечная улыбка.

На третьем курсе Агнесса познакомилась с Борисом Андреевым, интеллигентным водителем автобуса с пальцами пианиста. В сексе Борис был неумел, ленив и неохоч, но между ними пробежала особенная искра, которой у Агнессы не возникало с другими партнёрами. Она открылась жениху, что непомерно слаба на передок и быть верной ему не сможет, но сорокалетний Борис Андреев влюбился как школь-

ник, и они брачевались; шофёр настолько боготворил Агнессочку (как он её называл), что даже взял её фамилию. Вскоре Агнесса забеременела – точно она сказать не могла, но почти наверняка не от мужа.

Ребёночек родился разительно похожим на мать и очень крупным, почти семь килограмм. Витя неспешно рос умным, внимательным, красивым, немного замкнутым мальчишкой. Аномально рано научился читать, чем стал ежедневно пользоваться. Отца любил беспрекословно, к матери относился с инстинктивной опаской. В подростковый период он увлёкся философией. Особенно его притягивали немецкие идеалисты: Кант с его стройной системой долга и границ, Шопенгауэр с его пессимизмом и волей к жизни. «Критика чистого разума» и «Мир как воля и представление» стали его настольными книгами. В понятии «воли» он находил объяснение всему – и материнской гиперсексуальности, и своему одиночеству, и абсурдности мира. Витя твёрдо решил поступать на философский.

Волею случая Борис Зубровский застал благоверную аж с тремя любовниками одновременно, и терпение его лопнуло, как изношенный мочевого пузыря запойного пивного алкоголика – стерпеть унижение такого масштаба Борис оказался не силах и ушёл.

Однажды Витя случайно (она оставила его на кухонном столе) наткнулся на мессалинский дневник матери – общая крупноформатная тетрадь в тёмно-коричневой облож-

ке, убористо исписанная мелким аккуратным почерком; даты, имена, смачные описания, детали, ощущения, мысли. За несколько часов непрерывной эрекции прочитав анналы насквозь, Витя пришёл к выводу, что в его неподражаемой родительнице умерла и разлагается выдающаяся порно-писательница – особенно его поразило красочное описание разнузданной пьяной оргии на семь тел и десять страниц. Из дневника он узнал, что за свою половую жизнь мать обслужила более трёхсот самцов, злоупотребляет мастурбацией, страдает акустикофилией; и самое убойное на десерт: папка Боря вовсе не его биологический отец. (Впрочем, Витя как-то очень быстро и легко смирился с этим нелицеприятным фактом.) Матери он ничего не сказал, но смотреть на неё прежними глазами не мог и с тех пор стал называть её исключительно «маман».

Будучи двухметровым, немного сутулым, тощим дрищом, Виктор из любопытства посетил фитнес-зал. Красивые мускулистые лоснящиеся потом тела вдохновили и мотивировали его, он стал посещать зал три-четыре раза в неделю. С тем же прилежанием, с каким штудировал философскую, научную, художественную и прочую литературу, с тем же усердием, что мастурбировал по утрам и вечерам, Виктор начал тягать железо и насиловать тренажёры – мышцы его наливались объёмом и мощностью скороспелой яблочной бражкой в эмалированном ведре. Как раннее он выращивал свой ум, теперь он выстроил своё тело – категорический императив

плоти. За обыкновение открывать между подходами «Критику чистого разума» или «Критику практического разума» он получил в качалке прозвище Кант.

После школы Виктор Зубровский, как и маман когда-то, поступил в Ленинградский государственный университет, на факультет философии, переименованный в Институт философии СПбГУ. Учился блестяще, окончил с отличием, диплом писал по Иммануилу Канту, поступил в аспирантуру.

С девушками Виктор не встречался принципиально, считая это занятие ненужным, излишним, опасным и даже вредным – Шопенгауэр его в этом вполне убедил. Будучи наследственно отягощённым со стороны матери (ещё кто знает, какие гены у его неведомого биологического отца), он начал онанировать ещё в допубертатный период, и постепенно мастурбация укоренилась, вошла в ежедневную привычку и стала строго выполняемым ритуалом. Эякулировал Виктор не всегда, тем самым практикуя *импульсивную псевдомастурбацию*. Как и некоторые другие вещи в своей жизни, он возвёл самоублажение в культ, подведя под него некую философскую базу.

К двадцати шести годам Виктор Зубровский оставался девственником, и такое онтологическое состояние его вполне устраивало.

***

Итак, плотски озабоченные, отягощённые гиперсексуальностью сорокасемилетняя родительница и её двадцатише-

стилетный отпрыск вполне приемлемо сосуществовали в роскошной трёхкомнатной квартире на Васильевском: иногда проводили философские и бытовые диспуты, иногда заставляли друг друга за дробкой, иногда ругались, иногда расхаживали по периметру полу- или целиком голыми, иногда смотрели на огромном мониторе в комнате Виктора понравившийся сериал от Нетфликса. Жизнь шла своим чередом, не оглядываясь и ни о чём не сожалея.

Глава 3. Девственность как воля и представление

Утро затапливало просторную евроремонтную кухню по-стапокалиптическим питерским светом, иногда мерещившимся Виктору не иначе как парадным освещением Дантова чистилища. Светлые деревянные фасады, буковая столешница, массивный квадратный обеденный стол натурального дуба, два стула, плетёное кресло с тонкой подушкой, высокий двухдверный холодильник, посудомоечная машина, стиралка, кактусы на широком подоконнике, огромное окно, выходящее во двор-колодец. Пахло лимоном, свежесваренным чёрным бергамотовым чаем, свежей мастурбацией, вишневым «с холодком» паром от вейпа, поджаренными тостами, апельсиновым джемом.

Полуголый Виктор сидел за столом в тёмном банном килте, застёгнутом пуговицами-кнопками вокруг кубической талии, его античная мускулатура переливалась тенями и оттенками пепельного питерского утра, влажные после душа русые волосы зачёсаны назад, открывая высокий чистый шопенгауэрский лоб и глубоко одухотворённые васильковые глаза. Перед ним на столе стояла тарелка с недоеденным тостом, белая полулитровая керамическая кружка с надпи-

сю «Es gibt fast niemanden auf der Welt außer Arschlöchern»¹ чёрным готическим шрифтом, тяжёлый мощный вейп, регулируемая модель. Виктор читал «Половую психопатию» Крафт-Эбинга.

– Bonjour, mon fils!²

Виктор поднял взгляд от страниц.

На маман был исчерна-фиолетовый ажурный пеньюар под цвет фиалковых глаз – сквозь полупрозрачную ткань виднелись закрытый тёмно-синий кружевной бюстгальтер и чёрные стринги. Кумачовые лакированные туфли на шпильках. Она подмакияжилась, причесалась, продезодорировалась, слегка надушилась.

Положив книгу на стол корешком вверх, Виктор многозначительно затянулся вейпом и только после этого молвил:

– Guten Morgen,³ маман.

Агнесса Петровна взглянула на обложку.

– Вы заинтересовались сексуальными патологиями, мой юный друг? – улыбнулась она фиалково.

– В некотором роде. После вчерашнего инцидента.

– Инцидента? Я бы не стала заходить так далеко и громко называть вчерашнее инцидентом. Дело житейское.

– Хорошо. После того диалога.

– Это уже ближе к истине.

---

¹ На свете кроме м*даков почти никого нет (нем.)

² Бонжурчик тебе, сынуля! (фр.)

³ Доброе утро (нем.)

Агнесса Петровна засыпала в рожок кофеварки три десертных ложки с горкой кофе, налила в бочок кружку воды из фильтра, нажала кнопку включения. Кофеварка недовольно зашкворчала.

– Наш вчерашний диспут...

– Я бы не стал называть это диспутом.

– Наша вечерняя беседа про автономных субъектов и социальные конструкторы... Я об этом много думала потом ночью, – Агнесса Петровна опустила в плетёное кресло. – Есть вещи, которые не отменишь никаким конструктивизмом. Ты в самом соку, красавец, атлет, эрудит, можно сказать, мудрец, у тебя приапос фаллос. Тебе двадцать шесть лет, и ты девственник. Мне мнится, ты банально боишься.

– Тебе действительно *мнится*.

– А мне кажется, я права. Страх – это тоже конструктор, сидящий глубже любой идеи. Шопик бы сказал, что это воля к жизни, искажённая страданием.

Виктор задумчиво запыхтел вейпом. Отпил чаю с лимоном.

– А знаешь, маман, может быть, ты отчасти в чём-то права, – сказал он наконец. – Я никогда не говорил тебе этого, но я читал твою нимфоманскую сагу.

– Это не сага, это быль, – с арктическим спокойствием отозвалась мать.

– Как скажешь. Я от корки до корки прочитал твой месалинский дневник.

– Я в курсе, – хладнокровно сказала она.

– В курсе?..

Агнесса Петровна встала, налила маленькую чашечку кофе, вернулась в кресло, закурила ультратонкую ментоловую сигаретку.

– Я его оставила тогда специально, я знала, что ты прочтёшь. Я хотела быть честной с тобой.

– Ты помнишь, сколько лет мне тогда было? – усмехнулся сын. – Не рановато ли было для таких откровений?

– Для правды не существует возрастного ценза, Витюша.

– Мне кажется, знать в деталях, как его пьяную матушку жарят семеро выносливых волосатых дядек, невинному подростку вовсе не обязательно.

– Их было шестеро, – Агнесса Петровна выпустила дым в потолок конической струёй.

– Это в корне меняет суть дела!!! – расхохотался Виктор. – Ты вот говоришь о страхах, маман. Отчасти может быть: подсознательно я боюсь стать одним из тех трахарей, кто прошёл через тебя.

– Этого надо бояться меньше всего, Витюша. Поверь мне. Мужчина должен быть ненасытным самцом, это в природе вещей.

– Коли речь зашла о яблонях и о буюх... ты хотя бы примерно знаешь, какой из твоих ненасытных самцов является моим биологическим родителем?

– Очень приблизительно. У меня набросан шорт-лист где-

то человек из десяти, – она отпила кофе, оказавшийся ещё очень горячим. – Мне хотелось бы думать, что ты от Витьки Девяткина, я даже назвала тебя в его честь. Это был волосатый во всех местах детина ростом с Валуева, и при этом красивый, остроумный и со шлангом по колено. Ты чем-то похож на него, но без теста на ДНК клитор дать не решусь.

Виктор затянулся вейпом и нарисовал в своём воображении образ отца с мохнатым телом Валуева, лицом Алена Делона и penisом парикмахера Сергея Зверева.

– Значит ты нарочно подсунула мне свои гривуазные мемуары... – сказал сын задумчиво. – Вот уж никогда бы не подумал!

– Есть многое на свете, dear Витя... – отозвалась мать с отсылкой на Шекспира.

– У тебя несомненный литературный дар, маман, – у меня стоял на всём протяжении текста! Ты зарыла в землю талант.

– Это не вполне соответствует действительности, сынок, я никого не закапывала. Мною написана эпохальная эпопея в духе «Анны Карениной», в трёх томах. Это философский эротический триллер.

– Вы открываетесь с новой стороны, Агнесса Петровна! – воскликнул Виктор. – И почему я узнаю об этом только сейчас?!

– Потому что я писала эту книгу в стол и там и собираюсь оставить.

– И как же называется сей шедевр?

– Оригинальное название нецензурное, но если бы решилась издать, то под заглавием «Утомлённые сквиртом».

– Одно название чего стоит! Дашь почитать?

– Нет.

– Пуркуа?

– Тому есть веские причины.

– И какие конкретно?

– Это очень личная вещь. И я до сих пор правлю этот текст, – Агнесса Петровна ввинтила окурков во вместительную малахитовую пепельницу, тем самым давая понять, что разговор о её писательском поприще завершён. – Мы отвлеклись от темы. Я решительно считаю, что тебе необходимо расстаться с ней.

– С кем?..

– С невинностью. Ты и так уже не совсем молод, а со временем это может превратиться в серьёзную проблему.

– А может быть, моя судьба оставаться философом-девственником, как Кант!

– Ты совсем не похож на Иммануила Иогановича! – возразила мать, очень аристократично почесав левую грудь над лифчиком. – Это нелёгкая стезя, Витюша, – дробить всю жизнь до смерти. И не забывай, что реальный секс – это величайшее удовольствие, дарованное природой таким млекопитающим, как высшие приматы и человек разумный.

– Человек тоже относится к отряду приматов, – заметил Виктор.

– Тем паче! – с жаром воскликнула мать. – Попробуй, сынок, отдолби какую-нибудь хорошенькую сучку во все дыры!

– Хорошо, – неожиданно согласился сын. – При случае отдолблю.

– Тебе понравится, обещаю! – горячо заверила Агнесса Петровна, театрально прижав руки к груди.

Глава 4. Разум, железо и диалектология

Допив чай с лимоном и доев тост с джемом, Виктор собрался и направил стопы в качалку на Среднем проспекте, «Пуя Piterets Gym». Облачившись в раздевалке в свои обычные бриджи на голое тело и белую растянутую «майку-алкоголичку», он основательно размялся – суставная гимнастика, лёгкая растяжка, пара подходов с пустым грифом, чтобы разогнать кровь – и приступил к тренировке. Сегодня он работал над мышцами спины: тяга верхнего блока, пуловер, гиперэкстензия, тяга штанги в наклоне. Закончив становую тягу (три подхода по восемь повторов) он глотнул воды из бутылки, сел на скамью и раскрыл «Пролегомены» Канта.

– Даров, чел! – задорно проскворчал рядом сладкий девичий говорок.

Уж никак Виктор Зубровский не думал, что «случай», обещанный им матери, так быстро подкатит, да ещё в образе такой *ламповой* ярочки. Стройнющая, длинноногушая, великосистая; огромные бубсы требовали особого рассмотрения: тугие, высокие, объёмистые, упругие – на поджаром спортивном теле они смотрелись баскетбольными мячами – это подчёркивалось тем, что их туго обтягивал эластичный спортивный топ на голое тело. Сероокая, тонкобровая, бе-

локурая тяночка была стрижена коротким андеркатом с довольно-таки длинной чёлкой.

– Здорово, коли не шутишь, – веско отозвался Виктор.

– А шо мну шутить-та?.. Я сурьёзно, чел!

Произношение, однако, у фитопрелестницы оказалось однозначно убийственным: какой-то совершенно дикий, анекдотический говор. Да ещё молодёжные жаргонизмы!

– Это такая присказка, пригожая фройляйн, так сказать, присловье. Не стоит обижаться.

– А! Таперя поняла! – улыбнулась пригожая фройляйн во все свои безупречные 32 зуба.

– Поняла, – исподволь поправил Виктор.

– Ты тоже шо-та не поняла?.. – не поняла фитодурочка.

– Правильно говорить *поняла*, – терпеливо пояснил Виктор.

– А, теперь поняла! – она хихикнула – глуповато, но не отталкивающе.

– Орфоэпия – это ж наука, – подумал вслух Виктор.

– Шо?.. – чуть скривилась спортивная красотуля. – Братух, шо-та ты заумен больна! Прощи нада быть!

– Ну уж простите, синьорина! Я таков, и меня не переделывать!

– Мну Оливия звать! Оливия Сойкина, как рыбка! – хихикнула стигма-самочка.

Виктор даже не захотел выяснять, при чём тут рыбка.

– Виктор, Mein Schatz⁴, Виктор Зубровский.

– Как зверёк? – хихикнула Оливия.

– Можно сказать и так, если Вам угодно.

– Эх, Витюха, пондравилси ты мну, спасу нет! Заумнай, но канфектка!

– Польщён, весьма, мадмуазель.

– Шо?.. А, лан. Я те шо предложить хочю...

– Предложить. Хочю.

– Та забей, чел! Гоу в эклерную на рюмошку кофэ, а? По-знакомимси поближа!

Виктор серьёзно задумался. Тренировку он почти закончил, неотложных дел нет, диссер подождёт. Ярочка хоть тупа, как скалка, и говорит хуже иной колхозницы, но сочна как три порнозвезды вместе взятые – такого случая упускать нельзя. Обещал маман? Надо исполнить!

– Извольте, – сказал он.

– Ента значить «да»?

– Это значит «да», – удостоверил Виктор.

Эклерная «Бон-эклер» на Среднем пахла ванилью, кофе, хлоркой и свежевypеченными булочками. Кафешка была тесна, уютна, романтична. Судя по всему, помещение весьма удачно стилизовали под парижское кафе. Виктор и Оливия устроились в уголке за круглым столиком, покрытом чистой хлопковой скатертью в крупные красные горошины, заказали четыре эклера, два круассана, один чизкейк, графинчик

---

⁴ Моя дорогая (нем.)

кальвадосу.

– За знакомство, братух?

– За него, сестро!

Кальвадос оказался вкусен, искрист, заборист.

– Я ваще-та в Питер совсем недавно приехала, – заявила Оливия. – Я с деревни Гормозиха, шо под Псковом. Девять классов кончила, скушна стала. Развлекухи у нас никакой, парней мала и убогия, инэт и тот с перебоями! Потелепалась пару лет и сюды махнула. Девятнадцать лет мну. Из «Илюхи Питерца» по случаю с тренером перепихнулася, дык он мну в качалку и пристроил. До сих пор с ним трахаюся, охоча я больно до еного дела!

«Пунятно», подумал Виктор и плеснул ещё по рюмочке.

Чокнулись. Кирнули.

– У мну три трахаровца имеюща, ты не ревнивай?

– Пока ещё не уверен.

– Ну лана тада. Те подфартила ваще-та. Мну горячая, пи-сюха тесная и маленькая, кончить по пять разов зараз могу! Я не рофлю, в натуре!

Виктор не выдержал и задал вопрос, который его давно мучал:

– Ты из глухой поджопинской деревни, и тебя назвали *Оливией*. Я сильно сомневаюсь, что твоя матушка большая поклонница Шекспира. Более того, я склонен подозревать, что она вообще даже не слышала о таком. И, собственно, сам вопрос: почему тебя нарекли таким редким, необычным

и даже вычурным именем?

– Та я ваще ХЗ, Витюх! – радостно сообщила Оливия. – Хошь, родакам позвоню, спрошуся?

– Не знаю, стоит ли.

Налили. Чокнулись. Тягнули.

– А я коренной ленинградец в пятом поколении, – сказал Виктор с достоинством, но без пафоса. – Выпускник Института философии СПбГУ, сейчас пишу диссертацию по Иммануилу Канту. Живу с маман на Васильевском, мне двадцать шесть лет, я злоупотребляю мастурбацией, и я девственник.

– Шо?! – выпучила светло-серые очи Оливия. – Такой ламповай поц и ни раза не трахамшись?.. Ентава быть не можот!

– Так непросто и витиевато сложилась моя судьба, моя тупенькая Оливочка, но это действительно так. Я невинен как Вассерман и Г. Х. Андерсен вместе взятые и помноженные на литератора Гоголя.

– Етить-хоронить! Так шо ш мы сидим тада тута, как на поминках?! Гоу лишать тя ентого проклятия!

– НЕ возражаю. Только давайте допьём кальвадосец, больно уж вкусный!

Налили, чокнулись, хлопнули. Молча вкусили эклерчиков – пирожные оказались весьма. Через полчаса они уже были на Васильевском острове. Виктор открыл дверь ключом, пропустил Оливию вперёд. В прихожей пахло маманиными

сигаретами и кофе.

– Маман, это удивительно, но я не один! – крикнул Виктор в сторону кухни.

Агнесса Петровна появилась с дымящейся сигареткой и в прежнем утреннем неглиже.

– Мну Оливия, драсти! – спортсменка протянула ей ладонь, довольно-таки широкоую.

– Мнёте оливии? – не поняла Агнесса Петровна.

– Её зовут Оливией, маман, – пояснил Виктор. – Она несколько вычурно изъясняется.

– Ясненько... Я Агнесса Пе... Агнесса, – маман пожала протянутое. – О, какое крепкое рукопожатие!

– Мну спортсменка! – сказала Оливия с гордостью.

– Она спортсменка, – перевёл Виктор поспешно.

– Рада слышать, – сказала Агнесса Петровна. – У вас шикарное имя, милочка! Латинского происхождения, не так ли? Отсылка к Шекспиру, да?

– Шо?.. – наморщила Оливия тонкие бровки.

Агнесса Петровна высоко подняла левую бровь, но промолчала.

– Твоя мамаха завсегда в таком затрапезном виде по хвартире ходют? – шепнула Оливия, когда они вошли в комнату Виктора.

– Спорадически, – буркнул Виктор, закрывая изнутри дверь на щеколду.

Глава 5. Прощание с девственностью, или Эйдос плоти

Вместительная комната была заставлена по стенам книжными стеллажами, шкафами, полками. Двухтумбовый винтажный стол с монитором, знакомое читателю офисное кресло с регулируемой спинкой и подлокотниками. Шкаф-купе с зеркальными дверцами. Двухспальная деревянная кровать с ортопедическим матрасом. На стене над кроватью висели два портрета: лысый Кант без парика и Шопенгауэр с бородой Тургенева. Пудовая гиря и две разборные гантели в углу. Главная достопримечательность стояла на широком подоконнике: антикварный глобус звёздного неба с фосфоресцирующими в темноте созвездиями – в точности по Иммануил Иоганычу.

Они стремительно разделись. Нагая Оливия поразила Виктора в самый фаллос – натуральная античная, или даже древнеегипетская богиня, без малейшего подмеса – единственное различие заключалось в том, что все её сокровенные места оказались целиком продепилированы (но сие, конечно, являлось несомненным плюсом). Обнажённый и возбуждённый Виктор нанёс ответное туше, поразив Оливию в самую вагину, цинично захлопавшую.

– Экой у ты елдачище, Витюх! Ух, етить-колотить!!

Однако радость оказалась преждевременной. Божества соединились стоя, но после дюжины страстных фрикций произошёл конфуз – лингам начал стремительно расслабляться и вскоре сдулся совершенно, как проткнутый гелевый воздушный шарик. Виктор без нужды громко прокашлялся, слегка покраснел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.